

Критский Собор 2016

Интервью Радио «Радонеж» (2016)

— Алексей Ильич, православных волнует ситуация, которая сложилась в политической и церковной областях. Начать с того, что сегодня существует нескрываемое противостояние защитников православия и, говоря современным языком, модернистов. Все обеспокоены последними событиями, в частности, в связи с Всеправославным Собором.

— Вопрос очень большой. Есть много факторов, повлиявших на создание такой неоднозначной атмосферы в отношении Всеправославного Собора. Дело в том, что само уже название его вызвало немало вопросов, поскольку причина очевидна: почему это не Вселенский Собор, а Всеправославный? И особенно обострилась обстановка, когда было заявлено, что это собор не Вселенский, а Всеправославный потому, что на нем не будут присутствовать христиане Запада. Естественно, такое заявление вызвало глубокое недоумение. Ибо, если это собор православный, то естественно, на нем не могут присутствовать в качестве полноправных членов те, кто находится, по меньшей мере, в расколе, а тем более, которые исповедуют еретические взгляды. Так что такое заявление повергает в недоумение очень многих. Но есть и другие причины...

Основной документ, который, прежде всего, обращает на себя внимание — это отношение Православной Церкви к остальному христианскому миру. Там есть фразы, которые вызывают удивление. Например, что кроме единой Православной Церкви существуют и другие церкви, с которыми православные не находятся в общении. И нигде не объясняется, в каком смысле употребляется понятие «церкви» по отношению к ним. А просто говорится, что существуют и другие церкви. Так одна Церковь или их много?

Нигде не говорится и о том, что «другие церкви» — это находящиеся в расколе или еретические общества. Вообще этих терминов в документе нет. Я понимаю: дипломатия, попытка убедить всех, что наше время — это не время конфронтации, и никто этой конфронтации не хочет. Но когда мы разбираем вероучительные вопросы, нужно быть в высшей степени осторожным. Всё-таки можно было сказать, что и Римская и протестантские церкви так именуются, поскольку они так называют сами себя. Но что они допускают целый ряд вероучительных положений, с которыми Православная Церковь никак не может согласиться в силу их ошибочности.

Так же и другие вещи обращают на себя внимание.

Например, регламент Собора утверждает, что на нем будет присутствовать от каждой Церкви делегация в составе только 24 епископов. Это выглядит необычно, такого в истории никогда не было. Если это действительно Собор Всеправославный, то само слово с приставкой «все» требует присутствия всех епископов. Можно предположить, что Русская Православная Церковь на данный момент имеет епископов больше, чем все прочие, и потому для кого-то это «жало в плоть».

— Алексей Ильич, поясните: все епископы Церквей должны присутствовать на Соборе? Я так понял?

— Да. На Вселенском Соборе практически присутствовали все епископы, за немногим, конечно, исключением.

Недоумение вызывает у многих (и, по-моему, по существу), что голосование на Соборе будет от каждой Церкви одним голосом. Это значит, что фактически будут голосовать главы Церквей, все же прочие делегаты голосовать не будут. Подразумевается, что в каждой делегации все вопросы будут заранее обсуждаться, и Предстоятель будет представлять голос всех присутствующих и отсутствующих епископов. Это, конечно, странно. Может случиться, что перед лицом Предстоятеля все епископы будут говорить: «да, да, как Вы благословите». А если было бы тайное голосование и голосовали все епископы, то ситуация могла бы оказаться совсем другой. Многие епископы, которые по робости, например, в своем кругу соглашаются, там могли бы проявить своё убеждение.

— Практически всё сводится к формальному голосованию?

— Всё зависит от характера отношений между Предстоятелем Поместной церкви и ее епископатом. Может ли любой епископ без печальных последствий для себя иметь мнение, отличное от главы? В противном случае Собор мало будет отличаться от Всеправославного совещания глав церквей, которое было, например, в Шамбези. Этот регламент предстоящего Собора вызывает серьезное недоумение.

— **Алексей Ильич, самый дилетантский вопрос, который я просто транслирую от слушателей: если так долго собирался этот Собор, какие вопросы предполагалось изначально на нём обсуждать, которые могли бы вообще послужить толчком к его организации?**

— Надо вспомнить историю. Впервые на Родосе в 1961 году Константинопольский Патриарх собрал делегации всех Поместных Церквей и объявил, естественно, с согласия других Церквей, о необходимости созыва Вселенского Собора. Тогда речь шла именно о Вселенском Соборе, но не о Всеправославном. И там вот что произошло. Было предложено для рассмотрения на Вселенском Соборе больше сотни вопросов (кажется, 120 с чем-то). Нашу делегацию возглавлял митрополит Никодим (Ротов). Он выразил изумление и сказал тогда: «Как можно на Соборе рассмотреть столько вопросов? В таком случае мы должны десятилетие обсуждать их». Ответ был сокрушительный: «Вы — советский агент и хотите сорвать Вселенский Собор».

— **Вот вам и ответ всегдашним критикам владыки Никодима (Ротова), которого обвиняют в том, что он был чуть ли не инициатором этого Собора...**

— Митрополит Никодим тогда всё же согласился, и все согласились на 120 вопросов. Я помню, как под его председательством (в советское время была только одна Комиссия, больше нам не разрешали) мы сидели дни и ночи, чтобы рассмотреть все эти вопросы!.. Сколько было дискуссий, споров. Наконец, слава Богу, кажется, подготовились. И вдруг из Константинополя решение: «Нет, сто двадцать — это много!» Я сейчас не помню точно, но чуть ли не свели все до 3-5 вопросов. Митрополит Никодим, со своей улыбочкой, интересуется: «Простите, как же это понять?». Его опять обвинили в том же самом: «Вы и теперь против?». Ситуация была непростой... В конечном счете, к нашему времени после многих переговоров и собеседований осталось вроде 10 вопросов.

— **Это действительно были вопросы, существенные для межправославного единства?**

— Дело не во межправославном только единстве. Вопросов, конечно, много накопилось за всю историю. 1000 лет не было Соборов, это же просто катастрофа! Вы посмотрите на Древние Церкви: Поместные Соборы собирались каждые полгода-год. Непрерывно решались возникающие каноническое, литургическое и др. вопросы... Вселенские соборы собирались только по самым важным проблемам, которые касались существа самой веры.

К нашему времени вопросов накопилось очень много. И это беда Православия, что столь длительное время никакого совместного обсуждения их не было. Сейчас эта идея проснулась и встала на повестку дня с полной очевидностью.

Ещё одно обстоятельство. Вселенские Соборы собирались в одной Империи — в Византийской. Всегда под эгидой Императорской власти. Там

была одна атмосфера. Сейчас же собираются Церкви, которые находятся в разных государствах, в разных политических и социальных системах, поэтому ситуация совсем другая. Думаю, что это одна из причин того, что Вселенские Соборы отсутствовали в нашей православной действительности. Византия пала — и «началось». Но «началось» ещё раньше: когда пал Рим.

Относительно положения Церкви в нашей стране. Мы часто говорим о 20-м веке: «безбожный век», «запрет», «террор» и т.д., и сопоставляем это с её свободой в царской Россией. Но тут далеко не всё так просто. Отец Георгий Флоровский в «Путиях русского богословия» приводит слова митрополита Киевского Арсения в 1862 году: *«Мы живем в век жестокого гонения на веру и Церковь под видом коварного о них «попечения».* Вот вам и свобода Церкви! И, действительно, со времен Петра I ни одного Собора уже не было, даже Патриарха не было. Все вопросы церковной жизни решал Император. Т.е. Церковь оказалась полностью подчинена светской власти. И свободы той, о которой часто можно слышать у нас не было. Неизмеримо худшее произошло в Советском Союзе с самыми серьезными последствиями. Перестройка ситуацию, конечно, изменила. Но в какую сторону и насколько, это вопрос очень непростой.

— Светские журналисты часто делают акцент на том, что Церковь сегодня является политической силой, которую государство использует в своих интересах.

— Помню, однажды на приеме здесь, в Лавре, у Святейшего Патриарха Пимена, были иностранные гости и произносились речи. И один из протестантов сказал фразу в отношении не нашей Церкви, а своей протестантской: «У нас сейчас ситуация сложилась такая, что церковь фактически превратилась в государственный департамент бытового обслуживания населения». Мне запомнилась эта фраза. Действительно, Церковь легко может превратиться в «департамент социального и прочего обслуживания» и заняться решением вопросов не по своему «профилю». Это верно. Церковь не может совсем уходить от реакции на политические и социальные явления жизни. Это ясно, но в какой мере и в какой степени она должна входить в них? Это вопрос достаточно серьезный, и, в то же время, сложный. В какой степени? Она создана для духовного и нравственного преображения человека. Вопросы же внешнего характера — в компетенции государства.

Но сейчас ситуация очень непростая, и нередко создается впечатление, что большее внимание уделяется именно вопросам общественной жизни, нежели духовным. Церковных конференций, например, о проблемах духовной жизни, её особенностях сегодня нет! Зато непрерывные «фестивали», даже слово «праздники» уже забыли ...

Или представьте себе вдруг объявление: «После Божественной Литургии — масленичное гулянье». Это что такое? Ещё можно бы понять после Троицы: сплошная неделя, здесь гулянье ещё было бы как-то оправдано. А «масленичное гулянье»? Ведь это уже полу-пост? А рок-концерты с участием духовенства и даже монашества и многое другое, о чем не хочется говорить.

Но продолжим о Соборе... Дело в том, что из десятка вопросов, которые остались к Собору, пришлось несколько удалить. Удалить по очень простой, но не очень симпатичной причине. Например, был вопрос «Кто может давать

автокефалию?»). Русская Церковь говорит «Мы в 70-м году дали автокефалию **своей** части — Американской Православной Церкви». Константинополь же заявляет: «Только я могу давать автокефалию». Почему?! И сколько раз это бывало на разных конференциях... Так это и до сих пор. И сейчас этот вопрос пришлось снять всё по той же причине.

Или вопрос о календаре... Не впервые ставится этот вопрос о едином праздновании Пасхи и о новом стиле. Помню, когда его обсуждали ещё при митрополите Никодиме, то вся Комиссия единогласно заявила: никакого пересмотра этих вопросов в нашей Церкви быть не может. Причины? — Что, нам мало проблем, чтобы ещё устраивать расколы? Конечно, это вопрос не вероучительного порядка, но здесь же глубокая традиция. И с традицией нельзя легкомысленно поступать. Сняли вопрос о календаре и сейчас.

Или стоял вопрос о диптихах. Это вообще трагикомичный вопрос. В чем он состоит? — Какая церковь, на каком месте будет находиться в перечне Поместных церквей и поминаться ее Предстоятель? Видимо, забыто: «хотящий быть первым, да будет всем слугой, да будет последним». Но нет, извините... И был пример, когда глава одной Поместной церкви обратился к Константинопольскому патриарху, чтобы повысить место его церкви в диптихе (не скажу, кто это был). Константинополь долго молчал, но потом поставил ее ещё дальше — молодец.

— Алексей Ильич, а вообще есть исторические корни обоснования такого «места в диптихе»?

— Это слагалось постепенно, но эта историческая действительность к Церкви как Телу Христову имеет очень малое отношение. Сначала Рим был столицей империи, потом Константинополь — вот и первенство чести, и в очень большой степени власти. То есть вполне светский принцип. Ибо по идее, с церковной точки зрения, первой должна быть Иерусалимская церковь, откуда и началась Церковь. Но император, оказался, выше Христа!

Русская Церковь получила в своё время пятое место, хотя желали и повыше. Но не получилось. Есть более древние Церкви, чем Русская, но они стоят ниже в диптихе. И причины опять чисто мирские. Кажется, почему бы, например, не взять и по жребию выбрать? Первого предстоятеля по чести избрали бы, допустим, и Константинопольского (кто-то должен же быть). А прочие церкви как?.. Какой вынул номерок, там и будь. Но нет, извините. Вдруг последние станут первыми. Нам такая демократия не подходит.

— А ещё упрекаем иногда католиков... Но вернемся к Собору. Алексей Ильич, вопросы, о которых вы рассказали, действительно важны для жизни Церкви: вопрос о календаре, о едином праздновании Пасхи... Но если такие вопросы снимались, какие же оставались? А был ли в повестке вопрос о взаимоотношениях христианской Церкви и окружающего нехристианского мира?

— Да. Подготовлен специальный документ. Не помню, как точно называется. Да, первая его формулировка была изумительная: «Значение Православия в утверждении христианских идеалов мира, братства, свободы». Точное повторение масонского лозунга т.н. Великой Французской революции: «Свобода, равенство, братство»! Видимо, потом кто-то

подсказал: «что же вы так открыто действуете»? Заменяли на «отношение к миру», и всё. Действительно, звучало очень показательно. Данный документ носит обычный для подобных вопросов характер, ничего нового и интересного в нем нет.

— Алексей Ильич, мы никогда с вами не касались вопросов эсхатологии. Мы не увлекались конкретными примерами, которые свидетельствуют о приближающемся конце времен. Хотя таких пророчеств и указаний, как мы знаем, существует очень много, и их тоже нельзя сбрасывать со счетов. Чего стоит отложившийся Собор, который должен был проводиться в Стамбуле, из-за терактов! Недавнее землетрясение на Крите многие противники этого Собора тоже связывают с некими «знаками». Очень много существует фактов, которые можно выудить из интернета, и они свидетельствуют о том, что всё-таки нельзя обойти без внимания знаки времен. «Собор VIII-ой» (как бы его там ни называли), «Собор последний», «разбойничий», и т.д. И, действительно, рассыпается вся долго строившаяся система... На самом деле, по-Вашему, есть ли какие-то опасения, и должны ли они быть у наших православных архипастырей, в первую очередь? Почему мирские люди задаются этими вопросами, а архиереям и священникам они часто бывают абсолютно безразличны? Хотя, казалось бы, должно быть наоборот.

— Очень многое, что «идёт от народа», обусловлено часто его непониманием. Например, «знаки времен». Им придают настолько серьезное значение, что нередко считают буквально Откровением Божиим. Но святоотеческое учение говорит, что нужно быть очень осторожными к всему, что может удивлять, поражать, но о чем мы не имеем достаточно информации. Преподобный Григорий Синаит (XIV век), например, призывает никогда не принимать какие-либо явления и знамения как знаки Божии, потому что верящий им легко повреждается.

Основные, например, процессы в политической жизни, проходят «под спудом», о них почти никто ничего не знает. И делать выводы на основании того, что перед каким-то событием очень вóроны кричали, неразумно и опасно, но народ это любит. Да, могут быть знамения, но кто может их расшифровать? Дерзающие это делать, говорят Отцы, навлекают на себя гнев Божий.

Силоамская башня упала — почему? Христос прямо ответил: «Вы что думаете, эти 18 человек были грешнее всех?», и произнес страшные слова: «Так же погибнете, если не покаетесь!», так что опасно заниматься толкованиями знамений.

Нельзя доверяться выдумкам и страшилкам и в отношении VIII-го Вселенского Собора: «VIII-ой последний». Кто это говорит? Тот, кто даже и не знает, что VIII-ой уже был в 879 году! Это был настоящий, полноценный Собор, на котором присутствовали даже римские легаты. Подписано было всё: никакого *filioque*, никакого главенства папы, всё православно решили... Конечно, когда легаты вернулись, то папа им всыпал. И последующие папы этот Собор отвергли. Но для Православия он остаётся настоящим Вселенским Собором. Был еще один Собор, позднее, в XIV веке. Так что нужно осторожным быть к народным мудростям.

И еще одно. Всё-таки не хорошо обобщать и говорить, что епископы, священники являются мало церковными. Архиеереи и священники - разные, как всегда, в течение всей истории. Но не надо всё окрашивать в черный цвет... Если бы все было черным, то Церкви уже и не было бы. Хотя действительно среди духовенства, монашества не все являются искренними христианами, болеющими за Церковь и делающими то, что они должны и могут делать. Но они есть!

— Всеправославный Собор так долго собирали — и вдруг такие неурядицы... И как в дальнейшем будет проходить история, связанная со Всеправославным Собором, на ваш взгляд?

— Во-первых, тот факт, что мы никак не можем договориться по некоторым вопросам, характеризует, конечно, состояние современного Православия. Есть много вопросов. И некоторые особенно серьёзные. Например, Константинопольский патриарх буквально «не вылезает» из Рима. Настолько сейчас велика его заинтересованность в сближении с ним, и не только в сближении, но даже слышатся высказывания и о соединении с Римом, что поражает. Но нужно сказать, что Константинополь всегда так себя вел, поскольку находился под тяжелейшем гнетом в Константинополе. И это одна из причин. Но то, что происходит сегодня в мире, особенно когда Римским папой стал «Франческо» (как его итальянцы называют), когда и Патриарх Варфоломей, и некоторые его епископы уже открыто и прямо говорят, что сейчас «наступило самое благоприятное время», которое может завершиться «полным объединением», что «препятствий фактически не осталось», — это уже показатель какой-то вероучительной и духовной катастрофы!

Это опасно, поскольку народ многого не понимает, и часто говорят: «всё у них так же, как и у нас, только там — папа, а у нас — патриарх, и какая разница?» То есть, люди просто не знают, насколько глубоко заблуждение католицизма. Приведу только один пример. Преподобный Макарий Великий, древний святой (который в святцах и у Рима) в утренней молитве говорит: «Боже, очисти меня, грешного, потому что я ничего не сотворил благого перед Тобою». Вот истинное духовное состояние человека.

Но что видим в католицизме? Учение о заслугах, которые, оказывается, человек может приобрести перед Богом. Подал нищему? Вот уже заслуга! А если что-то большее сделал?! А если монашество принял — это уже сверхзаслуга! Так, тщеславная, гордая мысль кладется в основу духовной жизни человека. Что же она может дать ему?.. Недаром наши русские подвижники: Паисий Величковский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Оптинские старцы, Иоанн Кронштадтский — с гневом пишут о католицизме, как о еретическом обществе, совершенно исказившем христианство. Вот, о чем идет речь, вот что произошло с Западом. И вдруг теперь раздается голос: «мы уже почти едины, у нас не осталось никаких фактически разногласий, мы можем чуть ли ни вместе служить и причащаться!» Это уже настоящая беда. Католицизм извратил христианское учение и о вере, и о жизни самым радикальным образом. То, что Православие называет прелестью, в католицизме рассматривается как добродетель, и более того - как святость. Это, конечно, уже духовная катастрофа. И вдруг теперь на таком высоком церковном уровне нам заявляют о возможности

сближения и даже соединения! Поэтому какие-то идеи о церковном объединении, о сближении — это отступление от Православия, от своей Церкви.

Другое дело, конечно, когда говорим о чисто внешних отношениях. Например, рассмотрение вопросов политических, социальных, культурных. Здесь мы можем говорить с католиками так же, как говорим и с атеистами, и с представителями любой религии. Это вопросы материальной жизни, и здесь мы действительно должны жить в мире и согласии со всеми. Но когда касаемся вопросов духовной жизни — то здесь огромная ответственность.

Надо понимать, что процесс омирщения веры и жизни на Западе пошел давно. Это видим сначала в Риме, а затем в протестантизме, когда Лютер заявил: «Я не возношусь и не считаю себя выше докторов и Собора, но я «моего Христа» почитаю выше всякой догмы и Собора». Вы слышите, какое заявление! Западное христианство ушло от истоков веры, оно приобрело земной, потакательский страстям характер.

Сама догматика там построена по юридическому принципу. Спасение, оказывается, состоит в том, что Христос Своими страданиями удовлетворил правосудию Бога Отца. И Отец, «насладившись» страданиями Сына, наконец, простил человечество. Это что же такое?! Забыли, что пишут Отцы: Христос Своей Жертвой исцелил, воспринятую в воплощении человеческую природу, и таким образом спас человечество. Исцелил, а не «удовлетворил правосудию Божию».

Сейчас те события, которые происходят, в частности, в связи с Собором, конечно, свидетельствуют, что и Православие находится не в лучшем состоянии. Но на последнем заседании нашего Священного Синода было принято хорошее решение о том, что нужно сначала разрешить все те вопросы, которые были поставлены многими церквями, иерархами и богословами, а потом уже проводить Собор.

— Может быть, это и промыслительно? Алексей Ильич, теперь ещё несколько вопросов к завершению нашей беседы. «Гаванская декларация» и посещение Святейшим Патриархом и Президентом Путиным Святой Горы Афон в память нашего тысячелетнего там присутствия... По поводу первого: общество разделилось именно из-за подписания этой «Декларации». Вы сказали только что, что Константинополь предпринял ряд шагов, с точки зрения учения Церкви недопустимых, в частности, сослужения с католиками и т.д. Мы видим, что Вселенский Патриарх всячески пытается дипломатически как-то выстроить свою линию поведения с папой Франциском. А наше участие в подписании «Декларации» действительно раскололо общество: пусть, может быть, непонимающее или мало просвещенное. На ваш взгляд, что это был за жест со стороны нашего Священноначалия?

— Могу сказать лишь о тех недоумениях, которые постоянно приходится слышать. Первое — что эта встреча состоялась без благословения Архиерейского Собора. Второе, что об этом знали только «пять человек». Т.е. решение о встрече не было санкционировано Высшим органом Церкви Архиерейским Собором, а совершено революционным путем пятью человеками.

Затем, вы говорите о значении этой «Декларации» для Русской Церкви. Вы же знаете моё отношение к католицизму. Я об этом всё время говорю и только что сказал.

Католическая церковь может быть названа церковью только на т.н. экуменическом или обыденном языке. В действительности же, это только общество, которое по-своему исповедует христианство, но назвать его церковью с точки зрения православной веры и духовно-нравственного учения невозможно.

«Декларация» посвящена социальным, международным проблемам, и насколько для этого была необходима такая встреча, мне судить трудно. Но, скорее всего, суть не в беженцах и не в трагедиях, которые происходят сейчас в Сирии, в Украине - для этого едва ли необходимо встречаться таким церковным лидерам. Ибо одно дело, когда постоянно на протяжении всей истории встречается с папой Константинопольский Патриарх. Другое дело — небывалое событие, связанное с Русской Церковью. Поэтому и понятен вопрос: «какая была серьёзная необходимость в этой встрече для Русской Церкви?»

— **Не подыграли ли мы Константинополю в этом смысле?**

— Я думаю, что здесь подыграли не Константинополю, а Риму. Для Рима это уже большой успех: наконец-то сделан первый шаг к тому, чего он добивается тысячу лет. Полагаю, что там радости было немало.

— **Что касается посещения Афона... Сегодня многие Афонские монастыри крайне негативно высказались относительно повестки дня предстоящего Всеправославного Собора. Они выдвинули пять вопросов, которые должны быть разрешены до его начала: скажем так, выступили против Собора. А посещение Президентом и Патриархом Святой Горы? На ваш взгляд, каково церковное значение этих визитов, в частности, Президентского? О политическом мы можем только догадываться...**

— Не могу судить, просто ли совпал визит Президента и Патриарха, или же их визит был специально запланирован именно на это время? Но реакция Афонских монахов услышана, учтена и принята во внимание, о чем говорят последние решения нашего Священного Синода. В отношении прочих вопросов — вы знаете, я не очень люблю гадать. Есть люди, которые умеют это делать, у них, возможно, интуиция богатая, ума много, а я всегда отвечаю: лучше погадайте на кофейной гуще.

— **Алексей Ильич, в завершение — вопрос о нашей церковной жизни. Вы говорили только что о православных конференциях. Действительно, даже в 90-е годы было много конференций, которые непосредственно занимались жизнью Церкви, вопросами церковными, близкими к нашей сегодняшней жизни. Сегодня как-то всё изменилось, и я вспоминаю момент из Евангелия, когда пришли ученики к Спасителю и стали спрашивать про Иоанна Крестителя. И Он сказал о некоторых знаках, которые свидетельствуют о Божественной миссии Предтечи: «слепые прозревают, нищие благовествуют»... Сегодня же, простите за каламбур: «Монахи поют на сцене, а владыки их**

благословляют. Священники пишут прозу, миряне учат с кафедры. Каждый ударился, во что горазд. И уже церковная жизнь сегодня часто напоминает подмостки огромного театра. Почему эта всеобщая, политическая или культурная, свобода так отразилась на Церкви — в принципе, довольно закрытом организме?

— Не просто говорить о конкретных причинах. Но есть одна, общая, которую я уже назвал. Идет очевидный процесс омирщения церковного сознания. Одно дело личная духовная жизнь, другое — церковное научение ей. С основными заповедями все знакомы. Но без знания духовных законов и сами заповеди могут получить ложное истолкование. Многие ли, например, знают, что духовные плоды, к приобретению которых призывает христианство (любовь, радость, мир, долготерпение...), даются верующему не за добродетели и не за труды ради них, но только в случае рождающегося от них смирения. И если его не будет, то, оказывается, все добродетели и все труды будут напрасны! Много ли мы об этом слышим? А это же насущный вопрос для каждого верующего. И над чем требуется непрерывная работа Церкви: преподавание в духовных школах, проповеди, конференции, встречи со всеми слоями населения. Когда же при храме открывают рок-клуб, когда батюшки выступают на ринге, поют на сцене и с гитарами в рясах (ряса же священная одежда, а не профессиональная форма), молодые монахи участвуют в молодежных мероприятиях, служат в женских монастырях и т. д., то ясно, что вопрос о той цели, ради которой создана Церковь — о плодах Духа — уже снимается «с повестки дня». Но это моя личная точка зрения.

— Можно ли рассчитывать, что несостоявшийся Всеправославный Собор принесет какие-то благие плоды: и на нашу землю, и в каждую из Поместных церквей. Может быть, займемся внутренними делами более серьезно?

— Я сомневаюсь. Мне кажется, процесс необратимый... Единственное, что сейчас возможно — чтобы каждый христианин на своем месте постарался жить и делать так, как требует христианство. Это необходимо. А остановить реку омирщения, по-видимому, невозможно — слишком она широка. По крайней мере, я в этом отношении не оптимист. Омирщение налицо. Совсем не так давно, помню, ещё мальчишкой, представить себе, чтобы какой-нибудь монах сидел в театре — невероятное дело!

— Я помню, у нас семинаристы курящие исключались из Академии.

— Так и в нашей Академии, пока, а в других местах обращают ли на это внимание? Этот процесс идет... Не случайно святой Исаак Сирий предупреждал: невежественная свобода есть мать всех страстей. Но конец этой неуместной свободы — жестокое рабство. Всё меньше прибегаем к святоотеческому духовному наследию, а если и занимаемся, то только тонкостями богословия. А проблемам духовной жизни внимания уделяется очень и очень мало. А это же главное!

Церковь — это Корабль спасения, а не место развлечений! Она — больница, а не курорт! А в больнице о чем говорят постоянно? О болезнях, их причинах, способах лечения. Сейчас у нас болезнь номер один —

омирщение. Все становимся мирскими людьми: по жизни, по интересам, по направлению ума и деятельности и т.д.

Кажется, было оправдание, когда началась перестройка, нужно было восстанавливать храмы. Действительно, требовались священники. Но опять, как ставился этот вопрос? Я же это прекрасно помню... Кого только не рукополагали тогда — часто людей, не просто не имеющих никакого образования (откуда его было иметь?), но никакого понимания христианства, и нередко лишь формально верующих. И сколько отсюда недоразумений... Сейчас непременно требуется образование. Это уже хорошо. Это важно. Священник, ведь, не рабочий, которого можно уволить. Если рукоположили — то уже на всю жизнь.

Но ещё немало священнослужителей, которые вызывают соблазн... Ко мне женщина одна подходит недавно: «Что мне делать? Я была на исповеди. Я уже пожилая женщина, и у меня этот мальчишка, в сыновья который годится, такие гадости спрашивал!» Сама рыдает. «Гадости спрашивает» — это называется у некоторых духовно развращенных иереев «чистотой исповеди». Настоящее извращение, когда священник задает такие вопросы, от которых у человека волосы дыбом становятся. Посмотрите, какие сегодня книги без разрешения Издательского совета печатают об исповеди, какие безобразные там вещи! Вот это беда. К этим вопросам, касающимся духовной жизни, должно быть обращено самое серьезное внимание. Будем, конечно, надеяться, что, может быть, и в этом отношении какое-то движение будет...

— Алексей Ильич, я хочу передать вам благодарность огромного числа наших радиослушателей, которые всегда воспринимают ваше участие в эфире Радио «Радонеж» с большой радостью: внимательно слушают ваши лекции и ваши беседы. Потому что мы все, кто является создателями и слушателями радиостанции, чаем настоящего церковного учения, подлинной церковной жизни. Я думаю, никто из слушателей не сомневается, что Промысл Божий о Церкви всё-таки восторжествует, ведь нам открыто, что это так и должно быть. Просто нужно подождать ещё какое-то время...

— Давайте ждать и делать, пока есть возможность и время. Тот факт, что есть храмы, монастыри, школы, что мы можем правильно служить, правильно молиться, по православному жить — это все показатели того, что наша православная Церковь существует. А вот, когда прикажут поминать римского папу и молиться перед Францисками и Терезами, тогда ответим: «стоп, извините!»

— Огромное спасибо, Алексей Ильич.

Беседовал Николай Бульчук